

ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Актуальность данной темы обусловлена тем, что религиозный экстремизм и терроризм стали заметной реальной угрозой стабильности общества и национальной безопасности России. Эти явления оказывают влияние также на геополитическое положение и авторитет страны на международной арене. Задачи дальнейшего развития России не могут быть решены без преодоления нынешних социальных противоречий, без снижения напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях, без борьбы с экстремизмом и терроризмом. Проблема экстремизма в стране обострилась с середины 80-х гг. прошлого века, а ныне она заставила обратить на себя особое внимание государства.

Экстремизм в нашем обществе – явление многоликое и многогранное, и поэтому в данной статье рассматривается экстремизм в наиболее проблемном в этом отношении Северо-Кавказском регионе.

На Северном Кавказе серьезной проблемой последних двух десятилетий является религиозный, исламистский экстремизм в его «ваххабитской» версии. Его опасность очевидна, так как агрессивный исламизм распространяется не только в Чечне и Дагестане, но и в других субъектах Федерации, что осложняет борьбу с этой формой экстремизма и с расползанием терроризма по всей стране.

Анализ религиозного экстремизма на Северном Кавказе позволит выявить сущность этого феномена и причины его появления именно в данном регионе России, определить масштабы и возможные последствия деструктивных тенденций, связанных с террористической деятельностью религиозных фанатиков, а также необходимые меры борьбы с этой угрозой.

Появление в 2002 г. Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» было ответом на вызовы современности, связанные с угрозой международного терроризма, с испытанием на прочность новой российской государственности. В ст. 1 этого закона перечисляются признаки экстремизма как явления, угрожающего безопасности государства, общества, личности. В качестве серьезного мотива экстремистской деятельности могут выступать религиозные убеждения.

Религиозный экстремизм – это теоретическое обоснование и практическое использование деконструктивных, «крайних» методов для достижения радикальных религиозно-политических целей. Экстремизм следует отличать от радикализма (от латинского *radix* – *коренной, глубинный*), который имеет характер идеологии, мировоззрения, взглядов, и поэтому не может быть предметом правовой оценки. Радикализм – это приверженность взглядам и ценностям, коренным образом отличающимся от общепринятых.

Например, идея создания в России халифата (исламского государства) является радикальной, но ее выражение само по себе не будет

экстремизмом, если не предполагает насильственных, противоправных деяний.

Термин «экстремизм» происходит от латинского «*extremum*» – *крайнее, выходящее за рамки обычного, чрезвычайное, наибольшее или наименьшее*. В свою очередь латинский корень «*extra*» означает *вне, кроме, сверх меры, чересчур*. Экстремизм, будучи по своему родовому признаку позицией, склонностью, убеждением, есть сложный, многоаспектный феномен. В нем можно выделить несколько составляющих. Во-первых, идейно-мировоззренческий аспект, совокупность мировоззренческих установок и идей, лежащих в основе и легитимирующих экстремистские действия. Во-вторых, психологический (лично-эмоциональный) аспект, ментальность, мысленный настрой особого рода, отличающий личность экстремиста. В-третьих, политико-организационный (практический) аспект, формы и способы экстремистской деятельности.

Говоря об идейно-мировоззренческом аспекте религиозного экстремизма, в качестве такового мы выделяем политическое сознание субъектов экстремистской деятельности, которое базируется на трех установках: допустимость и универсальность насилия как способа решения политических вопросов, правовой нигилизм и, как следствие, пренебрежение основными правами и свободами человека, отрицание абсолютной ценности индивида как такового.

Психологическая сущность религиозного экстремизма наиболее полно раскрывается в понятии «фанатизм». В современном мире у экстремистов слишком мало политико-организационных возможностей и объективных предпосылок для создания массовых политических движений и организации революции. Наиболее вероятной тактикой современного экстремизма является терроризм. Но в качестве исполнителей терроризм требует личностей особого склада. Подлинный терроризм избирает, за редким исключением, только непредсказуемые методы и направления атак, прибегая, как правило, к помощи фанатиков, готовых отдать жизнь ради достижения цели.

«Фанатизм» происходит от латинского *fanum* – *жертвенник* и *fanaticus* – *исступленный*. Фанатик (фанат) – это человек, находящийся во власти сверхценных и сверхзначимых для него идей, которые придают смысл его существованию. Он готов жертвовать во имя этих идей собственной жизнью и жизнями других людей. Фанатик обладает так называемым «туннельным» мировосприятием, т. е. воспринимает мир через очень жесткую призму и отвергает все то, что не согласуется с его мировоззрением. Именно к позиции фанатиков можно отнести следующую поговорку: «Если факты не согласуются с нашими идеями, тем хуже для фактов». Для фанатиков характерно не критическое отношение к любой информации, которая идет вразрез с их убеждениями. Фанатизм обычно существует на уровне группы, так как фанатики находят поддержку во взаимном признании и совместном разжигании своих эмоций по поводу общих идей.

Фанатично настроенная личность есть идеальная кандидатура для совершения террористических действий. Террористический акт практически всегда является риском с очень малой степенью вероятности счастливого исхода лично для террориста. Он рискует и, следовательно, жертвует собой. Поэтому террорист – это не киллер, не наемный убийца. Он обладает всеми характерными признаками фанатика: нетерпимость к инакомыслию, пренебрежение моралью и законом, убежденность в исключительности собственной миссии, готовность к самопожертвованию, но при этом террорист готов реализовать свою цель путем насилия.

Терроризм – результат развития политического экстремизма, его наиболее деструктивное «кровавое» воплощение. Терроризм – это наиболее яркая и драматичная, хотя и не единственная форма политического насилия, имеющая политическую установку и фанатично настроенных исполнителей. Терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Религиозный фанатизм является социально-психологической основой фундаментализма. Фундаментализм – это стремление противостоять модернизации, приверженность старым, «фундаментальным» ценностям, структурам и способам организации жизни. В современной литературе фундаментализм ассоциируется, прежде всего, с религиозными течениями (в первую очередь, с исламским). Это не случайно, так как приверженность «старым» ценностям обычно иррациональна и не подлежит разумной критике.

Религиозный экстремизм в большей степени, чем все остальные формы экстремизма, способен породить террор, так как исполнителями в данном случае являются фанатики, для которых ценность жизни отодвинута на второй план.

Корни религиозного экстремизма – это идеи религиозного происхождения, обосновывающие нетерпимое отношение к иноверцам и инородцам. В нашу эпоху все традиционные мировые религии на догматическом уровне отрицают экстремизм и тем более терроризм.

Религиозная традиция является радикальной оппозицией современному миру, но правомерно ли считать, что религия должна породить экстремизм?

Все традиционные религии стремятся к социальной и личностной гармонии, признавая духовную свободу и выполняя миротворческую функцию. Традиционное религиозное мировоззрение противоположно светскому, «современному» мировоззрению. Но, следуя идеалу абсолютного совершенства, традиционная религия отвергает несовершенные, деконструктивные способы достижения своих целей. К тому же главная цель находится по ту сторону истории, земного бытия человечества.

В последние годы в России активно используется пропагандистский штамп, озвученный на самом высоком политическом уровне: «У бандитов (террористов) нет ни национальности, ни религии». Парадокс заключается в том, что это и так, и не так. Следуя правовому принципу равенства всех перед законом, мы не можем давать негативную политико-правовую оценку вероучению как таковому и тем более его отдельным представителям. Но, оставаясь на позиции науки, мы не имеем права не анализировать религиозные движения на предмет их способности генерировать экстремистские практики. Следует признать, что пресловутый «международный терроризм» имеет множество этноконфессиональных ликов.

Классифицировать мировой религиозно-политический экстремизм можно по нескольким основаниям. Во-первых, по конфессиональному признаку можно выделить исламизм (исламский фундаментализм), протестантский фундаментализм (диспенсациализм), иудейский экстремизм (крайний религиозный сионизм), ультраправославный фундаментализм, а также целый блок тоталитарных сект.

Во-вторых, по отношению к национально-политическим вопросам религиозные экстремистские движения можно разделить на те, которые при доминировании религиозного начала все же признают национальное, и на те, которые стоят на позициях интернационального глобализма. К первой группе можно отнести крайний религиозный сионизм, британоизраилизм секты мормонов, диспенсациализм американских протестантов, свою интерпретацию «русской идеи» отечественных ультраправославных фундаменталистов. Все вышеперечисленные столь разные религиозные движения объединяет одно: тот или иной вариант мифа о «богоизбранном» народе, которому суждено выполнить особую миссию, сыграть мессианскую роль в судьбе всего человечества. Такая роль предполагает наделение «избранного» народа особыми правами, делает его выше остальных народов. Ко второй группе относится, прежде всего, исламизм, особенно в его ваххабитской версии, отвергающий национальные различия внутри исламской уммы и выступающий за создание мирового исламского государства – халифата. Сюда же можно отнести многие тоталитарные секты, например «Свидетелей Иеговы», последователи которых рассматривают себя как членов единого мирового теократического государства.

В-третьих, религиозные экстремистские организации можно разделить на имеющие влиятельные и организованные политические структуры, и на те, которые только стремятся к созданию таких структур или являются маргинальными, пока что не способными повлиять на политические процессы в обществе.

Самое большое место в ряду религиозных экстремистских движений отводится исламизму. Радикальной исламистской идеологии и экстремистским исламистским группировкам во второй половине XX в. более, чем всем остальным экстремистам, удавалось влиять на мировую

политику. Несмотря на то, что исламизм многолик, разнообразен в конфессионально-религиозных проявлениях, исламские экстремисты и террористы широко контактируют между собой. Например, шиитский Иран активно поддерживает экстремистов-суннитов, а ваххабиты Саудовской Аравии принимают участие в боевых действиях на Северном Кавказе. Между экстремистами ваххабитского, суннитского или шиитского толка гораздо больше общего, чем различного. Этим общим знаменателем является радикальная идеология исламизма, так называемый радикальный ислам. Невозможно понять идеологию исламизма, не обратившись к самому исламскому вероучению.

До известных событий 11 сентября 2001 г. западное и российское общество избегали использования религиозных терминов в политическом дискурсе. Однако теракт в Нью-Йорке поставил Россию перед выбором: «Запад и мир ислама противостоят друг другу, а России как лидеру восточно-христианской цивилизации надлежит найти свое место в этом важнейшем сейчас глобальном конфликте»¹. В этот момент выяснилось, что многие лидеры российского мусульманства не спешат принимать точку зрения евро-американского сообщества. Так, сопредседатель Совета муфтиев России, верховный муфтий Азиатской части России Нафигулла Аширов заявил: «Мы знаем, какая страна имеет разветвленную сеть спецслужб. У Бен Ладена нет таких возможностей. Это сделали не арабы и не мусульмане, а те, кто располагает возможностями и кому это выгодно»². Даже муфтий Талгат Таджуддин, глава Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России, уже 12 сентября заявил о вине США в случившемся: «... когда проблему (на Ближнем Востоке или в Афганистане) не решают за столом переговоров, это выливается в трагедии, и простые люди начинают страдать из-за того, что не сумели договориться политики... Америка везде пыталась навести порядок. У США та же проблема, что была у фараона – кичливость и гордыня, желание стать хозяином мира»³. Все вышеперечисленные примеры наталкивают на мысль, что ислам в любой из его версий имеет общие типические черты, делающие его потенциально радикальным, и главная из этих черт – неприятие западных ценностей и образа жизни.

В современной политической и религиоведческой литературе принято выделять две точки зрения на проблему религиозно-вероучительной основы исламского экстремизма, которые мы и постараемся проанализировать.

Согласно первой точке зрения, «исламизм» противоречит «истинному, традиционному исламу». Данное мнение разделяется и озвучивается официальными представителями традиционной уммы России, Центральным духовным управлением мусульман России и его председателем, Верховным муфтием России Талгатом Таджуддином. Он

¹ Верховский А. Исламофобия после 11 сентября // URL: www.religion.sovacenter.ru/publications/1500AF0/1501AAA.

² *Аделаида С.* Мусульмане нашли виноватых // Коммерсант. 2001. 19 сент.

³ *Таджуддин Т.* Теракты в США – эхо событий в горячих точках // News.ru. 2001. 12 сент.

говорит об «экстремистских ересь в истории ислама»⁴. Таджуддин выделяет в качестве традиционных 4 мазхаба – богословские школы. Все, что выходит за их пределы, расценивается как ересь модернизма. По мнению Таджуддина, неверно отождествлять понятия «исламский фундаментализм» и «исламизм», так как последний лишь внешне противостоит нововведениям и модернизации ислама. Исламизм – это еще более опасное явление, чем исламский модернизм или социализм, так как представляет собой оборотную сторону последних. К таким еретическим учениям и движениям относятся «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банни, ваххабизм (салафизм), пакистанская секта Таблиг, давшая начало движению «Талибан».

Позиция, противопоставляющая ислам и исламизм, является весьма выигрышной в современном политическом контексте, особенно в России, так как позволяет идеологически отделить российских мусульман от экстремистски настроенных зарубежных единоверцев. Наиболее последовательным сторонником данной позиции является Александр Дугин, который считает, что существует два ислама: «евразийский, традиционный (умеренный, лояльный российскому обществу и государству) и «атлантический (экстремистски настроенный, антироссийский)». По Дугину, самое эффективное средство противодействия исламскому экстремизму – это государственная поддержка традиционного ислама.

Представляется, что противодействие исламскому экстремизму не может ограничиваться административно-политическими методами «кнута и пряника» или «разделяй и властвуй». В диалоге с исламскими организациями важно выделять именно духовные, богословские аспекты, влияющие на принятие политических решений. Тем более это верно для западного мира, имеющего многомиллионное, нелояльно настроенное по отношению к западным ценностям мусульманское население и внешних противников в лице оснащенных современным вооружением экстремистских исламских режимов.

Вторая распространенная точка зрения на ислам является весьма непопулярной в глазах общественного мнения. Одним из ее наиболее ярких представителей на современном Западе является американский протестантский проповедник Джерри Фалвелл. В передаче канала CBS «Шестьдесят минут» он назвал пророка Мухаммеда террористом (правда, ему вскоре пришлось принести извинения). В России в печальную годовщину событий 11 сентября 2001 г. в газете «Известия» была опубликована статья Олега Осетинского, написанная в жанре политического памфлета «Если бы я был Бен Ладеном...». Провокационный эффект данной статьи был очевиден и прогнозируем. Осетинский ставил вопрос предельно остро: «И совершенно ясно, что сегодня мусульмане и христиане вместе в Европе ужиться не могут.

---

⁴ *Таджуддин Т.* Тезисы выступления // Исламская угроза или угроза исламу?: материалы междунар. конф. URL: www.evrazia.org/index.php.

Значит, надо мирно разойтись по квартирам. Это – не фашизм, это профилактика и гигиена, которая поможет избежать всемирной гибели»⁵. Еще более резко высказывается Андрей Кривов из Парижа: «Мусульманский фундаментализм – это чума XXI века. Это разновидность фашизма, тоталитаризма, угрожающих западной цивилизации. И до тех пор, пока мы этого не осознаем, не поймем во всей глубине и очевидности, до тех пор усилия Запада в борьбе с исламским терроризмом будут тщетны. Только переоценив ислам, только поставив его в один ряд с фашизмом, мы найдем ему адекватный ответ»⁶.

Религиоведческий взгляд на проблему исламского экстремизма кажется нам весьма актуальным и перспективным, и этот взгляд позволит проанализировать ряд постулатов только что озвученной позиции:

1. Исламский фундаментализм является разновидностью тоталитаризма (наряду с нацизмом и коммунизмом).

2. Идеологические истоки исламского тоталитаризма и экстремизма лежат в вероучении религии ислама.

3. Только осознав религиозные корни исламского тоталитаризма и экстремизма, можно найти эффективные средства противодействия.

4. Исламские экстремисты и террористы вербуют свои кадры из мусульманской среды.

5. Ислам практически неизменяем, неререформируем в силу своей догматичности.

6. Тем не менее в истории и современности встречаются мирные и неагрессивные мусульмане.

7. Следует стремиться к тому, чтобы все мусульмане приобрели такую неагрессивность.

Как и следовало ожидать, апологию ислама первыми подвергли острой критике именно западные публицисты, несмотря на либеральные ценности общества, к которому он принадлежит. Одним из таких выступлений стала статья Хью Фитцджеральда «Политические аспекты ислама»⁷ («Ислам против неверных»), где делается попытка проанализировать теологию ислама на предмет ее возможности генерировать экстремизм.

Во-первых, следует отметить, что ислам, в отличие от христианства, имеет свою законченную и внутренне непротиворечивую политико-правовую концепцию (шариат). Исламу чужд европейский правовой принцип: «Что не запрещено, то разрешено». Мусульманское правосознание не делит право на позитивное и естественное, так как источником права является Священное Писание (Коран) и все право богоустановлено. То, что в европейском обществе рассматривается как проблема морального выбора, в мусульманских обществах и государствах является предметом юридического разбирательства. Это касается, прежде всего, вопросов веры. Отступничество от ислама – это тяжкое уголовное

⁵ Осетинский О. Если бы я был Бен Ладеном // Известия. 2002. 11 сент.

⁶ Кривов А. С исламом не все так просто // URL: www.open-forum.ru/forum/1050300736.

⁷ Фитцджеральд Х. Политические аспекты ислама // URL: www.nationalism.org/library/publicism/fitzgerald/fitzgerald-islam.htm.

преступление, которое карается смертью. Причем отступником может быть как человек, сам принявший ислам, так и тот, чьи родители (или хотя бы один из них) были мусульманами⁸. То есть в исламском вероучении можно найти обоснование препятствий для выхода из религии: «Верующие да не будут дружить с неверующими помимо верующих. А если кто дружит с неверующим, то он не заслуживает никакого вознаграждения от Аллаха, за исключением тех случаев, когда вам грозит опасность с их стороны»⁹. «Если же кто изберет иную веру, кроме ислама, то такое поведение не будет одобрено, а в будущей жизни он окажется среди потерпевших урон»¹⁰.

Во-вторых, в исламском богословии существует понятие джихада (борьбы, войны за веру). Современные апологеты обычно трактуют его как «Малый» джихад, а под «Большим» понимают внутреннюю борьбу со страстями, которую мусульманин ведет в своей душе, приводя слова пророка Мухаммеда о том, что он возвращается к домашнему очагу, возвращаясь с Меньшего джихада к Большему. Это слова одного из хадисов (устных преданий о жизни пророка), но есть и слова Корана: «И убивайте их (неверных), где бы вы их ни встретили, изгоняйте их из тех мест, откуда они вас изгнали, ибо для них заблуждение хуже, чем смерть от вашей руки»¹¹. Известные современные исламские апологеты, в том числе «русский мусульманин» Али Вячеслав Полоснин (бывший православный священник), цитируют слова из Корана: «И если б Твой Господь желал того, то все до одного, что на земле, уверовали бы в Бога. Так неужели ты (о, Мухаммед!) способен вынудить людей принять Господню веру?»¹² Но Полоснин не приводит следующего, сотого аята из вышеназванной суры: «Душа может веровать только по изволению Бога; и казнью поражает Он тех, которые не разумеют»¹³. Данный отрывок говорит скорее об исламском фанатизме, но не о полном отрицании принуждения в религии.

В исламе существует четкая политическая установка: «Весь мир делится на Дар-аль-Ислам («страна ислама», государство, где правят по шариату) и Дар-аль-Харб («страна неверных», немусульманские государства). Дар-аль-Ислам находится в состоянии бескомпромиссной борьбы с Дар-аль-Харб. Религиозной обязанностью мусульман является непрерывное расширение исламской территории за счет территории «неверных (кафиров)». Это не означает полного геноцида «неверных», достаточно утвердить повсеместно (в Британии, Японии, России, Китае и т. д.) исламскую власть и шариат. Борьба за веру – это «джихад» в смысле «сражение» (в таком контексте понятие «джихад» упоминается в Коране 28 раз). Но сражение не обязательно ведется военными средствами. Это может быть экономическая война, подкуп чиновников, демографическая

⁸ См.: Казнить ли отступников? Аллах не любит Америку / под ред. А. Парфрея. М., 2003. С. 15.

⁹ Коран. Семейство Имрана. 3 (27).

¹⁰ Там же. 3 (79).

¹¹ Коран. Корова. 2 (187).

¹² Коран. Иона. 10 (99).

¹³ Коран. Иона 10 (100).

экспансия. Ясир Арафат неоднократно заявлял, что самое эффективное средство в борьбе с «неверными» – это «матка арабской женщины».

В качестве новейшей формы джихада Хью Фитцджеральд рассматривает переселение мусульман в Европу. Когда в результате реконквисты (освободительной войны против мусульман в Европе) халифат (исламское государство) был ликвидирован, исламские старейшины постановили, что мусульмане не могут жить под властью «неверных», и в 1492 г. мусульмане покинули Испанию. В последние же 30–40 лет мы наблюдаем обратный процесс: мусульмане переселяются в Европу, открыто заявляя, что через 1–2 поколения Европа станет мусульманской.

Один из бывших лидеров террористической организации «Хезболлах» приводил в ряде выступлений перед соратниками следующий исторический факт. Когда в 1258 г. монголы захватили Багдад, то казалось, что халифату пришел конец. Но мусульмане обратили в ислам монгольских правителей и в корне изменили дело. Монгольские земли стали исламскими. Как сказано в Коране: «Сражайтесь с ними, пока не исчезнет неверие и не утвердится вера Аллаха. Если же они перестанут быть неверными, то не должно быть вражды, кроме как к нечестивцам»¹⁴.

Вопрос состоит в следующем: возможен ли диалог и мирное сосуществование с исламом всего остального мира, прежде всего, европейской цивилизации? В европейском правосознании существует принцип PACTA SUNT SERVANDA («Договоры должны исполняться»). В исламском правосознании и юридической мысли такого принципа нет. Мусульманское понятие договора сформировалось на основе известного эпизода из жизни пророка, когда Мухаммед заключил договор с жителями Мекки в 628 году н. э. («договор Аль-Худдаби»). По этому договору мусульмане обязались не идти на Мекку войной, а взамен им разрешалось посещать Мекку один раз в год. Договор был заключен на 10 лет, но Мухаммед нашел повод разорвать его до истечения следующего года, так как стал могущественнее и решил завоевать Мекку. Данный эпизод воспринимается мусульманским сознанием как положительный пример. Поэтому всякие договоры между мусульманами и «неверными» – это договоры не о мире, а всего лишь о перемирии. Особенно явно это наблюдается в отношениях между Израилем и палестинцами. Мы убеждены, что данный конфликт выходит за рамки межнационального, межгосударственного и регионального и носит религиозно-политический характер. Далек не все израильтяне, американцы и европейцы понимают, что израильско-палестинские соглашения – это только перемирия, «временное прекращение огня». Европейскому сознанию очень трудно принять как факт абсолютную невозможность обоюдного мира. Сотрудник кафедры востоковедения Еврейского университета в Иерусалиме профессор-арабист Моше Шарон пишет: «Исламу нужна причина, чтобы оказаться от войны. Эта причина – военное превосходство врага...

---

¹⁴ Коран. Корова. 2 (189).

Политика Израиля демонстрирует слабость и не оставляет палестинцам выбора. Они просто обязаны воевать с нами. Пока у них нет военной силы, способной устоять против Израиля, поэтому они стараются ослабить еврейское государство. Если мы будем значительно сильнее их, им придется откладывать джихад снова и снова. Они должны ощутить нашу силу, почувствовать, что им нас не победить. Только тогда они сложат оружие, даже не на самых выгодных для них условиях...»¹⁵

Проблема исламского экстремизма касается напрямую и России, в особенности Северного Кавказа, население которого преимущественно исповедует ислам.

Подавляющее большинство населения республик Северного Кавказа исповедуют ислам суннитского направления ханифитского и шафиитского толка. Ханифитского мазхаба придерживаются, в основном, большинство верующих татар, кабардинцев, адыгейцев, черкесов, абазин, балкарцев, карачаевцев, ногайцев, осетин-дигорцев, туркмен, крымских татар, азербайджанцев-суннитов. Шафиитского мазхаба в основном придерживаются представители большинства коренных народов Дагестана (кроме ногайцев), чеченцы и ингуши. Численность последователей ислама шиитского толка на Северном Кавказе незначительна (небольшая часть лезгин и даргинцев, часть азербайджанцев). Они живут, главным образом, на территории Южного Дагестана.

На Северном Кавказе имеются также приверженцы немечетного ислама, представленного различными суфийскими орденами. Особенно широко он распространен у дагестанцев, чеченцев и ингушей, большим влиянием среди которых пользуются братства орденов накшбандийя и кадирийя (в Дагестане еще и шазилийя); кадирийцев часто называют также зикристами.

Мусульманские организации региона координируются тремя центрами: Координационным центром мусульман Северного Кавказа (КЦМСК), Центральным духовным управлением мусульман России (ЦДУМ, г. Уфа, верховный муфтий Т. Таджуддин) и Духовным управлением мусульман Европейской части России (ДУМЕР, г. Москва, муфтий Р. Гайнутдин).

Бурный рост исламского самосознания северокавказских народов сочетается с прежней религиозной безграмотностью населения. Традиционные духовные управления мусульман (ДУМ) не владеют ситуацией в должной мере и не сдерживают экстремистские тенденции в местной мусульманской среде. Экстремистские религиозные течения (общее и весьма неточное обозначение – «ваххабиты») получают серьезную финансовую и идеологическую подпитку из ряда арабских и других мусульманских стран, тогда как у традиционного ислама положение иное – четкая государственная политика в этой сфере до сих пор не сформирована.

---

¹⁵ Шарон М. В Коране нет и намёка на мир // www.evrey.com/sitep/think/arkhiv1.

По информации Координационного центра мусульман Северного Кавказа, всего в Южном федеральном округе действует 21 высшее исламское учебное заведение, 18 из них находятся на Северном Кавказе (14 находятся в Дагестане, по одному – в Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии), и все они зарегистрированы как религиозные организации. Большинство из них не аттестованы и не аккредитованы. Еще слабее развита система начального и среднего исламского образования. При этом главным объектом воздействия радикальных религиозных организаций выступает молодежь, в том числе дети школьного возраста.

Согласно экспертным данным, в течение 1990-х гг. более 4 тыс. молодых людей – граждан России получили исламское образование за рубежом. Часть из них восприняла идеи исламского радикализма. Их деятельность после возвращения на родину, как правило, вступает в противоречие с традиционными для Северного Кавказа течениями ислама. Сегодня в России, согласно экспертным оценкам, работает более 2 тыс. имамов, получивших образование за рубежом. В настоящее время продолжает обучение за рубежом около 3 тыс. шакирдов (студентов), из которых только 200 человек – по официальным направлениям муфтиятов. Это свидетельствует о том, что российские власти зачастую не контролируют процесс направления молодежи за рубеж для получения мусульманского образования, что приводит к негативным последствиям: наряду с возрождением и заметной политической активизацией традиционного ислама на Северном Кавказе пытается утвердиться так называемый «ваххабизм» («чистый ислам», салафизм), представляющий собой радикальное религиозно-политическое движение в суннитском исламе.

Ваххабизм – одно из наименований течения в исламе, оформившегося в XVIII в. Однако оно употребляется только оппонентами этого течения, сторонники, как правило, именуют себя салафитами. Ваххабизм назван так по имени Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба ат-Тамими (1703–1792).

Мухаммад ибн Абд-аль-Ваххаб полагал, что настоящий ислам практиковался только первыми тремя поколениями последователей пророка Мухаммеда, и протестовал против всех последующих инноваций, считая их привнесенной извне ересью.

Сторонники ваххабизма называются ваххабитами. В настоящее время слово «ваххабизм» ошибочно используется в русском языке как синоним исламского терроризма. Следует иметь в виду, что исламизм (исламский экстремизм) – это, прежде всего, практика, а ваххабизм – идеология.

Ваххабиты запрещали паломничество к могилам святых, которое, по их мнению, было поводом для поклонения мертвым, празднование дня рождения пророка Мухаммеда и т. д. Они пропагандировали необходимость вооруженной борьбы (джихада, газавата) против неверных (кафиров) и лицемеров-вероотступников (мунафиков), к которым относили всех несогласных с их идеологией.

Любое политическое разделение уммы (исламской нации) или гражданская война рассматриваются ваххабитами как фитна (раскольничество, нарушение исламского единства). Всякая фитна, согласно салафизму, должна жестко и решительно подавляться.

Ваххабизм выступает против следования какому-либо одному мазхабу, хотя и считается, что почти все идеи ваххабизма заимствованы из ханбалитского мазхаба.

Главное положение ваххабизма – вера в безусловно единого Бога. Своей основной задачей ваххабиты считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых ему примесей, основанных на культурных, этнических или каких-то других особенностях тех или иных мусульманских народов. Конечной политической целью ваххабизма является создание всемирного халифата – исламского государства. В этом смысле ваххабиты чем-то напоминают первых коммунистов-интернационалистов, выступавших за «всемирную советскую республику». Ваххабиты отвергают различные нововведения, не дозволенные исламом, а также отрицают необходимость «посредничества» между Аллахом и человеком. Весьма негативно ваххабиты относятся к суфизму с его существенными отклонениями от норм шариата.

Ваххабитская борьба за очищение ислама и отрицание почитания любых авторитетов, кроме Аллаха, вызвали на территории Центральной Аравии в XIX в. ваххабитские восстания, в ходе которых ваххабиты разгромили ряд аравийских городов. В 1932 г. последователи идей Ваххаба в результате борьбы создали независимое арабское государство – Саудовскую Аравию.

В России ваххабизм начал распространяться с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. при активной поддержке из-за рубежа. Крупнейшим материальным и идейным внешним «спонсором» распространения ваххабизма в Российской Федерации стала Саудовская Аравия, а также некоторые другие государства Ближнего Востока.

Последователи «ваххабитов» стремятся к силовому захвату власти, замене действующего законодательства нормами шариата и построению в перспективе на территориях Кавказа и Поволжья исламского халифата. Идейная и политическая позиция ваххабитов, а также сильное иностранное влияние породили внутренний конфликт в мусульманских общинах Северного Кавказа.

С действиями представителей радикального ислама связаны эскалация вооруженного конфликта в Чечне, открытые вооруженные выступления и террористические акты во многих других Северо-Кавказских республиках, а также за их пределами.

В 2006 г. в список организаций, признанных Верховным Судом России террористическими, вошли следующие северокавказские исламистские организации экстремистского толка.

«Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа». Создан на территории Чечни в начале 2001 г. В марте 2005 г. объединился с «Государственным комитетом обороны ЧРИ». В настоящее

время называется «Государственный комитет обороны – Маджлисуль-Шура ЧРИ» («ГКО – Маджлисуль-Шура ЧРИ»). Руководитель до момента его ликвидации – Ш. Басаев. Штаб-квартира: постоянного места не имеет, заседания шуры проводятся в труднодоступных местах горных районов Чечни (Веденский, Ножай-Юртовский, Шатойский).

Цель: построение государства с шариатской формой правления, так называемого «Великого кавказского халифата». Регион активности: Российская Федерация. Степень и формы террористических угроз для России: осуществление терактов на территории России, вербовка и подготовка террористов-смертников, финансирование террористической деятельности в РФ, пропаганда религиозной вражды и ненависти. Основная цель экстремистов – отделение Северного Кавказа от Российской Федерации и создание в нем «эмиратов» в составе так называемого «Великого исламского халифата» любыми методами, в том числе путем вооруженного захвата власти. Данная организация взяла на себя ответственность за ряд террористических актов на территории России, причастна также к бандитизму, захвату и казням заложников, в том числе иностранцев, и к другим особо тяжким преступлениям.

«Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» (КНИД). Учрежден в 1998 г. Ш. Басаевым и М. Удугвым при поддержке международных террористических организаций. Руководитель на момент запрещения – Ш. Басаев. Штаб-квартира: постоянного местонахождения не имеет, т. к. высшим органом являлся съезд КНИД. В последнее время отдельные лидеры организации скрывались на территории сопредельных с Россией государств.

Цель: построение государства с шариатской формой правления – «Кавказского халифата» на объединенной территории Чечни и Дагестана. Регион активности: Российская Федерация. Степень и формы террористических угроз для России: осуществление терактов на территории России, вербовка и подготовка террористов-смертников, финансирование террористической деятельности в РФ, пропаганда религиозной вражды и ненависти.

На одной из конференций уполномоченных представителей Конгресса народов Ичкерии и Дагестана под прикрытием исламских лозунгов фактически была объявлена война Российской Федерации на Кавказе. При этом Республика Дагестан и Чеченская Республика рассматривались как единое государственное образование вне «Российской империи» – «часть Исламского халифата на Кавказе». Деятельность КНИД направлена на разжигание экстремизма и сепаратизма в мусульманских регионах России. Данная организация причастна к осуществлению вооруженного вторжения бандформирований из Чечни на территорию Дагестана летом 1999 г.

Террористическая война в последние годы в той или иной мере практически повсеместно распространилась по Северному Кавказу. Характерно, что многие теракты последних лет были связаны с Чечней лишь опосредованно. Терроризм помолодел, интеллектуально окреп,

демонстрирует способность к самоорганизации и самовоспроизводству. Особенно тревожная ситуация сложилась в граничащих с Чечней Дагестане и Ингушетии.

Главный вектор террористической активности в Северо-Кавказском регионе направлен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. Особенно зримо эта тенденция проявляется в деятельности террористических группировок «Шариат» и «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия) и др. Начиная с 2002 г. боевиками этих организаций целенаправленно уничтожаются вышеуказанные категории граждан. Рост числа терактов пришелся на 2004–2005 гг. В 2005 г. было совершено более 100 терактов. Пиком террористической активности явились события в Нальчике 13–14 октября 2005 г., во время которых было уничтожено более 100 боевиков-исламистов, много сотрудников правоохранительных органов КБР. Вот как выглядит социально-психологический портрет участников этого теракта, составленный правоохранительными органами на основе данных о 166 участниках нападения: 87 % участников незаконных вооруженных формирований – молодые люди в возрасте 20–30 лет, 13 % – старше 30 лет. По уровню образования: 20 % боевиков имеют высшее, 15 % – среднее специальное, 65 % – среднее и 1,2 % – неоконченное среднее образование. Более половины из них состояли в браке. 56 боевиков проходили в качестве подозреваемых по различным уголовным делам (7 – в связи с наркотиками, 8 – с незаконным оборотом оружия).

Одновременно в регионе в последние годы фиксируются регулярные нападения на служителей мусульманского культа (только за вторую половину 2006 г. зафиксировано 7 таких нападений). Преступники пытаются запугать тех духовных лидеров мусульман, которые отрицательно относятся к проявлениям религиозного экстремизма, направленного на раскол общества и мусульманской общины юга России.

Участились акты терроризма в отношении руководителей и политиков, стоящих на позиции единства России, ведущих успешную, в том числе силовую, административную и идеологическую борьбу, против сил, стремящихся отколоть Северный Кавказ от России, внедрить на его территории идеологию религиозного экстремизма и сепаратизма. Среди убитых – министры национальной политики Дагестана Магомедсалих Гусаев (27.08.2003) и Загир Арухов (20.05.2005), заместитель министра внутренних дел Дагестана Магомед Омаров (02.02.2005), заместитель министра внутренних дел Ингушетии Джабраил Костоев (17.05.2006) и многие другие.

Террористы пытаются оказывать дополнительное психологическое воздействие на представителей органов власти и сотрудников правоохранительных органов, членов их семей, других граждан. Например, в сентябре 2006 г. на сайте Ингушетия.Ru. было опубликовано

заявление руководства Специальной оперативной группы «Шариат Ингушетии», в котором сообщалось, что «приведены в исполнение решения Шариатского суда Ингушетии в отношении двух активных врагов Аллаха, сотрудников МВД РИ – И. Барахоева и А. Яндиева». В заявлении содержались угрозы в адрес сотрудников силовых ведомств Ингушетии, призывы уходить с государственной службы.

В октябре 2006 г. на сайте Ингушетия.Ru. было опубликовано заявление «джамаата осетинских моджахедов "Катаиб аль Хоул"» с обращением к сотрудникам спецслужб Осетии: «Неужели вы думаете, что будете оставлены в безопасности наедине со своим безбожием и зверствами на земле Осетии? Мы приведем с дозволения Всевышнего Аллаха смерть за узду в дома многих из вас, заставляя ваших женщин бить себя по щекам в знак траура. Пусть будет для вас примером участь вашего коллеги из Чечни, захваченного и обезглавленного моджахедами Осетии. Запись казни этого нечестивца на осетинском и чеченском языках вы скоро сможете увидеть своими глазами».

В феврале 2007 г. на сайте сепаратистов «Кавказ-центр» опубликовано очередное обращение террористов из «джамаата "Шариат"» (Дагестан), в котором говорится о том, что «...к лету, инш' Алла, у кафиrow под ногами будет гореть земля. ...Трупы кафиrow и мунафиrow с Кавказа сотнями рассылаются по городам и селам. И это лучшее объяснение, что ожидает того, кто служит власти тагута. ...те, кто идут в милицию и прочие "внутренние органы" кафирской системы автоматически обрекают себя на звание мунафиrow...».

Общая ситуация на Северном Кавказе в области борьбы с терроризмом и религиозно-политическим экстремизмом остается тревожной. Несмотря на уничтожение многих авторитетных лидеров сепаратизма (Ш. Басаева, А. Масхадова, М. Сайдуллаева, Э. Хаттаба, А. Дзейта и др.), религиозно-экстремистское бандподполье не ликвидировано, а ареной противоборства стали северокавказские города, где действует «городская герилья». Поступает информация о появлении на Северном Кавказе вновь создаваемых диверсионно-террористических групп, вербовке в них новых членов, особенно из числа молодежи. Радикальные исламистские структуры обладают повышенной способностью к регенерации.

Сейчас пропаганда джихада против России распространяется не только на РФ и ее ближнее зарубежье, но и на страны Запада. Вполне возможно, что в недалеком будущем США и страны Западной Европы будут охвачены новыми, еще более мощными вспышками исламского религиозно-политического экстремизма и терроризма.

Следует сказать, что предупреждение и пресечение криминальных проявлений экстремизма есть новая, нетрадиционная для современных органов внутренних дел сфера деятельности, которая должна быть направлена, в первую очередь, на предупреждение и пресечение уголовных деяний, совершаемых экстремистами (от актов индивидуального террора до массовых беспорядков). Эффективность

превенции правонарушений экстремистов обуславливается во многом правильной оценкой сигналов раннего предупреждения, позволяющих адекватно реагировать на изменение обстановки. Отказ данной системы сбора и анализа информации, повлекший принятие неправильного решения, как правило, приводит к социальным взрывам и широкому распространению насилия. В подобных ситуациях бороться с ним становится возможным лишь при изменении обычного правового режима, приводя в действие чрезвычайное законодательство и применяя силовые методы со стороны государства.

Органы внутренних дел в системе противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации занимают свое специфическое место. Их роль состоит в защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка, обеспечении общественной безопасности, раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых на почве экстремизма. Все вышперечисленное служит обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, которая понимается как безопасность ее многонационального народа, носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации.

Основными направлениями противодействия экстремистской деятельности являются:

- 1) принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

- 2) выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Задачами органов внутренних дел в сфере противодействия религиозному экстремизму являются: осуществление мер по защите прав и свобод человека и гражданина; обеспечение безопасности личности и оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов, защита объектов независимо от форм собственности; обеспечение общественного порядка и общественной безопасности; организация и осуществление мер по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений; выявление, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности.

При противодействии экстремистской деятельности следует руководствоваться следующими основными принципами:

- 1) признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций;

- 2) законность;

- 3) гласность;

- 4) приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации;

- 5) приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;

6) сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности;

7) неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности.

Основными задачами ОВД по профилактике преступлений экстремистской направленности, по нашему мнению, должны быть:

1) противодействие криминогенным процессам в обществе, возникающим на почве экстремизма, обеспечение сдерживания и сокращения правонарушений экстремистской направленности;

2) выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению правонарушений экстремистской направленности, принятие мер по их устранению или нейтрализации;

3) установление и пресечение фактов приготовления к преступлению и покушению на преступление, совершаемому на почве экстремизма, а также принятие к лицам, их совершившим, мер в соответствии с законодательством РФ;

4) установление лиц, противоправные действия которых в потенциале могут содержать признаки преступления экстремистской направленности, что дает основание для принятия к ним мер профилактического воздействия;

5) привлечение к работе по предупреждению преступлений, совершаемых на почве экстремизма, общественных объединений правоохранительной направленности и отдельных граждан.

Для выполнения перечисленных задач ОВД наделяются следующими функциями:

– предупреждение противоправных деяний экстремистской направленности;

– оперативное (своевременное и квалифицированное) их пресечение;

– подготовка кадров, способных эффективно решать задачи, стоящие перед ОВД, при их участии в предупреждении и пресечении криминальных проявлений политического и религиозного экстремизма;

– управление силами и средствами ОВД и тактика действий при обострении социально-политической обстановки, вызванном резким ростом криминальных проявлений политического и религиозного экстремизма;

– оперативно-разыскное обеспечение таких действий;

– организация материально-технического и тылового обеспечения;

– организация взаимодействия и координация усилий структур, участвующих в предупреждении и пресечении криминальных проявлений политического и религиозного экстремизма.

В целях противодействия религиозному экстремизму, предотвращения конфликтов, возникающих на национальной почве, сотрудникам органов внутренних дел совместно с другими правоохранительными органами необходимо наметить комплекс мероприятий, направленных:

1) на организацию мониторинга деятельности экстремистских организаций, восприятия их различными слоями местного населения в целях учета полученных результатов в деятельности органов внутренних дел;

2) противодействие распространению радикальной идеологии и пресечение деятельности религиозных и общественных объединений и организаций, исповедующих антигосударственную экстремистскую идеологию;

3) активное привлечение к работе и координацию совместных действий с лидерами молодежных, религиозных, политических организаций традиционного направления по контрпропаганде идей экстремизма;

4) проведение совместных с сотрудниками Минюста постоянных проверок религиозных организаций и движений;

5) укрепление взаимодействия и обеспечение оперативного обмена информацией между правоохранительными органами Российской Федерации и правоохранительными органами других стран, особенно государств – участников СНГ, создание объединенного банка данных об экстремистских организациях, действующих на их территории;

6) организацию проведения межведомственных оперативно-профилактических целевых мероприятий и специальных операций: «Вихрь-Анти-террор», «Арсенал», «Динамит», «Наемник», «Граница», «Канал» и др.;

7) организацию получения оперативной информации о сепаратистских, экстремистских и иных подобных настроениях, о попытках дискредитации органов власти и их представителей, об активизации криминального элемента и участников различных экстремистских формирований;

8) предупреждение и раскрытие террористических акций, привлечение лиц, их организовавших, совершивших и оказывающих содействие при их проведении, к уголовной ответственности;

9) пресечение каналов финансирования экстремистских организаций;

10) выявление фактов незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, принятие мер по изъятию названных предметов, задержанию и привлечению к ответственности виновных лиц.

Национальный и религиозный экстремизм – это приверженность крайним, насильственным взглядам и методам действий по достижению групповых целей. Явление национального и религиозного экстремизма на Северном Кавказе имеет в своей основе социальные, экономические, политические, психологические корни в виде ошибок в национальной политике советского периода. Системный кризис и разрушение Советского Союза стимулировали этноцентризм и сепаратизм в Российской Федерации. Активно стали использоваться идеи национализма и религиозной исключительности в политической борьбе. Наслоение старых социальных неравенств на проблемы новой социальной дифференциации в регионе, особенности социально-профессионального состава коренных народов Северного Кавказа и своеобразие природно-климатической среды, проблемы малоземелья и перенаселенности, безработица и незанятость

населения привели к тому, что молодежь стала основной социальной опорой и действенной частью экстремистских группировок и террористических банд.

Религиозно-радикалистское движение «ваххабизм», несмотря на благоприятную почву, созданную чеченским конфликтом, не имеет глубинных корней в исламском этнокультурном пространстве как Северного Кавказа, так и России в целом.

Ваххабитская ревизия ислама на Кавказе воспринимается подавляющим большинством местных мусульман как кощунственное отрицание памяти предков, покушение на местные этнокультурные традиции и самобытную идентичность.

Сепаратизм в Чечне и подобные настроения в других Северо-Кавказских республиках России приобрели чрезмерный радикализм в связи с усилением исламского фундаментализма и политизацией ислама. Это происходит под влиянием ряда мусульманских стран, в которых распространены религиозный радикализм и существуют ничем не отличимые от диверсионно-террористических школ специальные центры подготовки «солдат джихада».

В этих условиях органы внутренних дел являются наиболее близким к населению многочисленным и ключевым звеном в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации как безопасности ее многонационального народа, прав и свобод каждого человека и гражданина.

Перед сотрудниками органов внутренних дел стоит целый комплекс задач, связанных не только с пресечением террористических актов и иных проявлений экстремизма в сфере межрелигиозных и межнациональных отношений, но и с профилактикой подобных деяний, недопущением развития негативных тенденций.

Для этого сотрудники органов внутренних дел должны владеть целым комплексом юридических, психологических, религиоведческих, исторических знаний, которые помогут им принять верные решения.

рамках «откликов», но не полного произведения (текста).

Итак, новое религиозное сознание конструктивно, в целом продолжает традицию релятивизма, которая зародилась в XIX в.

Томас Нагель пишет: «Тот взгляд, что в людях нет ничего, кроме физической материи, и что состояния их сознания суть физические состояния их мозга, называется физикализмом (или, иногда, материализмом). У физикалистов нет специальной теории о том, какие же процессы в головном мозге можно отождествить с переживанием, допустим, вкуса того же шоколада. Но они убеждены, что ментальные состояния суть именно и просто состояния мозга и что нет никаких

философских резонансов полагать, что это может быть иначе. Ну а детали – это дело научных изысканий и открытий».

«Данную теорию можно сформулировать и так: вы – не тело плюс душа; вы – только тело, но ваше тело (по крайней мере, головной мозг) – это не только и не просто физическая система. Это объект, у которого имеются как физический, так и ментальный аспекты: его можно вскрыть и проанатомировать, но при этом не обнаружить и не выявить его внутренней стороны. Есть нечто такое, что изнутри ощущается как вкус шоколада, потому что у мозга есть внутреннее состояние, которое возникает, когда вы едите шоколад».

Современные когнитивные исследования – результат междисциплинарного диалога. Подходы к изучению цепочек детерминации различны, но в любом случае это подходы приоритетов в науке и эффектов от тех вопросов, ответы на которые объясняют проблемные зоны человеческого непонимания. Редукционизм, наблюдаемый практически во всех областях как научного, так и повседневного знания, проник и в сферу технологии.

Область психологии религии, исторически отвечающая на вопрос о специфичности религиозного сознания, например Вундт и его апелляция к языку, через слово и символизацию, Юнг, Павлов и Сеченов, привела к методологическому проекту в религиоведении XX в.

В современном обществе понятием «религиозное сознание» обозначают проявления активности человека, где «идея реальности понимается как основоположное бытие» (Франк), совокупность локальных духовных проявлений.

Вопрошание о сознании – по сути, установление границ соответствия и идентификации. Когда телесность становится иной, отношение к природе подменяется заботой о ее естественности, а историческое время вписывается в опыт индивидуальной практики как обоснование практического результата.

Внимание к схеме детализации поставило вопрос о глубинном характере этих схем: архетипах, родовой памяти, прошлом.

Относительность движения ставится под сомнение, появляется новый образ, идея движения.

Динамика изменений такова, что можно констатировать своего рода баланс между желанием отделить материальную сферу от духовной и желанием сделать их различными сторонами одного целого (человеческого бытия).

Изменения есть как в отдельно взятых традиционных и нетрадиционных верованиях: культовой, обрядовой практике, системе организации, так и в том, как религия вписана в культуру современности, общественное сознание, сферы деятельности человека.

Самым заметным становится влияние религии и ее основной организационной формы (места для совершения обрядовой и ритуальной практики) на отношения между конкретными людьми (межличностная

сфера: этические концепции, нравственность, мораль), между государствами (политика), народами (культура), цивилизациями (история).

Можем ли мы говорить об историческом возрасте современных интерпретаций этих религий? Допустим ли исторический аспект? Изменился метод, изменилось восприятие. На фоне совокупного опыта предшествующих поколений современный человек становится иным: теряет пространство географического бытия и обретает пространство бытия вымышленного, созданного им самим для нахождения своего собственного опыта. Исторический аспект свернут до точки, изменилось не только понятие о пространстве, изменилось ощущение этого пространства, что немаловажно, так как ощущение для человека экономической цивилизации эффектов первично.

Изменение в истории, эволюция, констатирующая постепенность и преемственность, в современную эпоху не наделены отражательной способностью: отсутствует отклик на действительность. Соответственно, современное сознание, выстраиваясь по типу привычной схемы, которая не работает, поставлено под вопрос. Изменения отражают краткие временные отрезки: отношение ко времени становится мистическим, так как скорость возможного перемещения уже трудно представить, ощутить, понять. Отсюда еще один странный эффект: повышение скорости, виртуализация пространства делает центральной проблему сознания человека.